

власть и богатство у него будет на первом месте, а религиозная деятельность на втором; политик, ориентирующийся не на созидание, служение народу, а на преступления, будет думать скорее о своей выгоде и, возможно, для укрепления своей власти попытается либо вообще отбросить всякую религию, либо чрезмерно приблизить к государству ту или иную религию, нарушая закон о свободе совести. Но еще раз отметим, что церковь и государство не могут не взаимодействовать друг с другом. Политик, государственный деятель не может не затрагивать вопросы религии, а священник – вопросы политики. В конкретном предметном акте политической деятельности обязательно присутствует религиозный аспект как универсальный вид деятельности. А в предметном акте деятельности служителя церкви обязательно присутствует организационный аспект. Святое как основная ценность религиозного сознания и порядок как главная ценность организационной деятельности неразрывно связаны между собой. Но в одном случае святое оказывается важнее власти, порядка, в другом случае, наоборот, порядок, власть становятся целью, а святое – средством. Например, когда надо поднять дух людей, приобщить их к абсолютному, к вечному и бесконечному, государство должно этому способствовать. Оно должно предоставить законное право верующих удовлетворять их религиозные потребности. Власть и порядок являются в данном случае необходимыми, но не главными ценностями. Но, когда, например, нужно провести экономическую реформу или, например, восстановить, разрушенное стихийным бедствием народное хозяйство, мы прежде всего ориентируемся на власть и порядок. Чувство святого выступает в качестве условия для успешного решения этих задач.

Потапенков А.В. кандидат философских наук, доцент, член-корреспондент КАН
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ А.С. ПАНАРИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Александр Сергеевич Панарин принадлежит к крупнейшим мыслителям XX века. По научной широте и глубине анализа важнейших социально-политических проблем второй половины XX - нач. XXI в. его можно сравнить с А.А. Зиновьевым. В его многочисленных работах нашли выражение такие проблемы, как место православной цивилизации в современном мире, судьба России, роль интеллигенции в истории России, свобода и ответственность, исторические судьбы демократии, методологические проблемы политологии, политическое прогнозирование, политическое лидерство, политическая культура, духовность российского общества, политические системы современности [1].

По своим философским, политическим взглядам А.Панарин относился к патристическому лагерю русской интеллигенции.

Рассмотрим более подробно вклад ученого в разработку методологических проблем общественных, в том числе политических наук. В эпоху глубинных трансформаций в обществе, науке, культуре – а мы переживаем именно такое время – как никогда прежде возникает потребность в открытии новых мировоззренческих и мироустроительных смыслов, социокультурных констант исторического бытия.

Развитие философской, политико-правовой и всей общественной мысли в Новое время проходило под знаком рационализма.

В античную эпоху принцип рациональности в своей обосновывающей функции включал в себя ссылку на дедуктивные методы исследования, а также на метафизические основоположения и принципы. В философии Нового времени идея рациональности обогащается новыми возможностями в методологических программах Ф. Бэкона (обращение к научному эксперименту как способу проверки теории) и Р. Декарта (выявление ясных и очевидных истин как первичного базиса дедукции).

В методологии XX в. выявился существенно новый момент в понимании рациональности, поставивший под вопрос весь проект Просвещения. Любые обосновывающие процедуры обнаружили свою относительность, ограниченность, а порою и иллюзорность; была показана также условность и неуниверсальность различных методов объяснения, в особенности так называемых редукционистских программ.

Беспрецедентные успехи научно-технического прогресса в XX в. поначалу вселял исторический оптимизм, но его отрицательные последствия не заставили долго ждать. Во второй половине XX в. наступает всеобщее разочарование в просветительских и сциентистских иллюзиях, в перспективах технократической цивилизации, в научном разуме вообще. Наука перестает быть авторитетом даже в вопросах познания, не говоря уже о других сферах человеческого бытия.

Ситуация драматизируется тем, что к концу прошлого столетия повсеместно усилились атаки на разум. Разочарование в разуме, а порою и открытое отречение от него именно в последние

десятилетия представляют собой особую опасность для самого существования современной цивилизации, ибо, в конце концов – именно разум и добрая воля обеспечивают необходимое взаимопонимание между государствами и народами в эпоху, когда человечество располагает средствами тотального самоуничтожения.

Дух релятивизма и плюрализма – характерная черта минувшего столетия. От абсолютного – к относительному, от единого – к множественности, от универсального и общего – к единичному. По такому пути шла и наука, и культура в целом. Процесс релятивизации базовых ценностей человеческого бытия охватил все сферы социальной и духовной жизни людей.

С тех пор как эпоха Возрождения сформировала новый образ человека как венца природы, как свободную и творчески созидающую личность, мировая цивилизация вступила в период классической культурной парадигмы, отличавшейся мощным антропологическим потенциалом. Трагический социальный опыт XX века – опыт революций, мировых войн и концлагерей – поставил под вопрос ренессансную модель человека и одновременно обострил интерес к подлинной природе и сущности человека. Как ответ на эту потребность, появляются экзистенциалистская, персоналистская и философско-антропологическая концепции. Позднее, в 60-е годы, М.Фуко и другие представители структурализма и постмодернизма заговорили о «смерти», «конце» человека. Классическая парадигма культуры окончательно утратила свою духовную силу.

Человеку XX столетия выпала судьба жить в такое время, когда, как пишет А.Якимович, и на Западе, и на Востоке распадаются устои культуры и возникает новое агрегатное состояние всех ценностей, заново перемешанных в одном котле. Происходит непредсказуемая по своим последствиям культурная мутация человечества. В сфере человеческих взаимоотношений культурный разлом проявился в первую очередь в нарастании морального релятивизма, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Релятивисты отвергают мысль о том, что в жизни людей в различных культурах и исторических эпохах существуют, несмотря на культурные, психологические и этнические различия, некие нравственные инварианты, такие ценности и нормы поведения, которые применимы ко всем людям и распространяются на все культуры.

Дух релятивизма, начиная с 60-х годов, проник и в сферу методологической рефлексии. В работах К.Поппера, Т.Куна, а особенно П.Фейерабенда и некоторых его последователей были исследованы на примере развития науки такие проблемы, как истина, научная рациональность, смысловая «несоизмеримость» научных теорий и др. Как утверждает современный философ Р.Рорти, научное знание в принципе бесосновно. Современная методологическая мысль подводит нас к выводу о полной релятивности всех основных принципов научной рациональности и несостоятельности самого понятия «научная истина».

Можно ли сказать, что смысл и назначение нового культурного сознания состоял в бунте против догматизма, в разъединении и разломе прежних, ставших оковами, когнитивных и духовно-практических ценностей, в размягчении окостеневших форм культурного бытия, в распаде и «деконструкции» ставших искусственными интеллектуальных традиций? Одно, по крайней мере, несомненно: в разрушении догматизма обнаружилась подлинная сила релятивизма, его позитивное историческое начало. И если сегодня сам релятивизм стал выявлять свою ограниченность, свою разрушительную сторону, то преодоление абсолютного релятивизма было бы ошибочно мыслить на пути возврата к догматизму. Здесь нужна принципиально новая методология, естественным образом сочетающая в себе абсолютное и относительное, единое и многое, универсальное и единичное, рациональность и спонтанность миропереживания. По мнению профессора Ф.В. Лазарева, «такой методологией может служить интервальная философия как способ многомерного постижения действительности» [2, с. 12].

Вступая в XXI в., современная цивилизация сталкивается с существенно новой ситуацией. В предыдущие эпохи человечество развивалось стихийно и никогда в истории не выступало как единое целое. Но сегодня, когда возникла прямая угроза самой жизни на Земле, когда все человечество оказалось в ситуации «лицом к смерти», – люди Земли, осознав себя как единое целое – на новом витке истории и на качественно новых основаниях – снова ставят вопрос о глобальном выживании. Способно ли современное человечество принять новый вызов истории, способно ли оно найти в себе духовные и интеллектуальные ресурсы, выдвинуть новые цели и разработать адекватные стратегии соответствующими социальными технологиями?

А. Панарин очень внимательно следил за развитием естественных наук. Он хорошо осознавал, что многие проблемы общественных, в том числе политических наук, находятся на их стыке с естественными науками. Некоторые методы научного познания, разрабатываемые в сфере ес-

тествознания, могут быть с успехом использованы и в области обществознания. Особое место среди междисциплинарных наук занимает, по его мнению, синергетика.

Синергетика – это направление междотраслевых исследований, объект которых – процессы самоорганизации в открытых системах физической, химической, биологической, экологической и другой природы. В таких системах, являющихся далекими от термодинамической равновесности, за счет потока энергии и вещества из внешней среды создается и поддерживается неравновесность. Благодаря этому взаимодействуют элементы и подсистемы, что ведет к их согласованному, кооперативному поведению и к созданию новых устойчивых структур и самоорганизации. Выдвинутая концепция самоорганизации явилась естественно – научным уточнением принципа самодвижения и саморазвития материи. В отличие от классической механики, которая рассматривает материю как застывшую, малоподвижную массу, приводимую в движение внешней силой, в синергетике обнаруживается, что при определенных условиях и системы неорганической природы способны к самоорганизации. Если равновесная термодинамика признает эволюцию лишь в сторону увеличения энтропии системы (т.е. хаоса, дезорганизации), то синергетика впервые раскрыла механизм возникновения порядка через флуктуации, т.е. отклонения системы от некоего среднего состояния. Флуктуации усиливаются за счет неравновесности, расшатывают предшествующую структуру и приводят к новой. Так из беспорядка возникает порядок.

Для самоорганизующихся процессов характерны диалектически противоречивые тенденции: неустойчивость и устойчивость, дезорганизация и организация, беспорядок и порядок. По мере проявления общих принципов самоорганизации становится возможным создание более адекватных моделей синергетики, которые имеют нелинейный характер, поскольку учитывают и качественные изменения. Синергетика уточняет представление о динамическом характере разных структур и систем и связанных с ними процессов развития, раскрывает возрастание упорядоченности и иерархической сложности систем, которые самоорганизуются на каждом этапе эволюции материи. Ее результаты имеют большое значение для установления связей между живой и неживой материей, а также для раскрытия процессов возникновения жизни на Земле.

А. Панарин раньше других понял, что синергетика все более уверенно прокладывает путь в методологию гуманитарных, в том числе политических наук. Все больше в эти науки входят такие понятия, как неравновесность, нестабильность, бифуркация, фазовые переходы, нелинейность, малые влияния, аттракторы и др. Синергетика пытается предстать как новое мировоззрение, мировосприятие, которое коренным образом изменяет понимание необходимого (закономерного, определенного) и случайного в самих основах построения мира. По-новому определяются причины и формы развития неживой материи и исторических процессов в экономической, политико-социальной и других сферах жизнедеятельности общества. Формируется новое понимание случайности как самостоятельного фактора биологической и социальной эволюции, признается роль случая в процессах самоорганизации. Один из основателей синергетики И. Пригожин пишет: «Детерминизм, который воспринимался как неминуемое следствие рациональной модели динамики, сводится нынче к свойству, которое обнаруживается лишь в отдельных случаях». Здесь речь идет об отказе от прежнего понимания детерминизма и, возможно, об открытии новых видов детерминизма. Не исключено, что работы И. Пригожина и его последователей знаменуют очередной этап научной революции.

Идеи синергетики уже проникли в философские и социально-политические науки. Речь не идет о полном тождестве естественно-научной и социально-философской картины мира. Сложность, нелинейность, случайность и необратимость в общественной сфере реализуются иначе, чем в неживом космосе – через человеческую свободу. Именно присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта общественных структур – квазиобъекта, подчиняющегося непреложным закономерностям, а в качестве субъекта, действующего под знаком негарантированного и непредопределенного выбора, – делает исторический процесс сложным и нелинейным. А. Панарин пишет: «В стохастической вселенной, где нередуцированными оказываются неопределенность и нелинейность, политика выступает как рискованная (не гарантированная в своих результатах)» [3, с. 21]. По мнению А. Панарина, политика определяется не только экономикой, она носит полидетерминистский характер и представляет многомерный объект исследования.

Со времен неокантианства установилось различие номотетического (генерализирующего, унифицированного) метода наук о природе и идеографического (индивидуализирующего) метода наук о культуре. Неокантианство возникло в качестве реакции гуманистической на опасность поглощения ее предмета и метода со стороны «точного знания». В самом деле, вся сциентистко-позитивистская традиция, получившая доминанту в европейской науке, угрожала детерминистским посягательствам на явления человеческого духа.

Одна из особенностей развития современного научного знания состоит в том, что естествознание преодолевает установки генерализации. Естествоиспытатели начинают осваивать мир природных объектов с тех позиций, которые прежде были свойственны идеографическим «наукам о культуре». Там, где их предшественникам виделся мир стационарных, тиражируемых объектов, они находят уникальное, неповторимое.

Так, в современной космологии все больше утверждается принцип уникальности Вселенной (Я.Б. Зельдович, В.Л. Гинзбург и их последователи). Сторонники этой концепции утверждают образ нашей метagalктики как единственной и уникальной – других метagalктик не существует, «так как теория однородной изотропной Вселенной не только не «требует», но более того – не допускает их существования» [4, с. 85]. Согласно утверждаемой в современной физике «суперпространственной» модели, существует только один единственный цикл эволюции Вселенной. Физические законы и начальные условия эволюции космической материи как бы «заморожены» в первоначальном Большом взрыве, с которого начинается этот единственный цикл, и должны растаять в конечной фазе следующего затем коллапса» [5, с. 75]. В рамках классической науки преобладала установка бесконечной множественности миров: она изгоняла уникальность и связанную с ней тревогу за неповторимую гармонию мира. Постулат о бесконечности миров и бесконечной тиражируемости любых состояний и явлений во вселенной (в том числе жизни и разума) явился, на наш взгляд, одним из мировоззренческих оснований новоевропейского нигилизма. Нигилизм, если он не является продуктом прямых патологий, несомненно, связан с убежденностью в заменимости, тиражируемости любых явлений. В мире бесконечно тиражируемых явлений наша технологическая свобода бесконечна, и к тому же нам дается «право на ошибку». Если что-то и погибнет в результате наших ошибок, то в свете постулата о бесконечной множественности и взаимозаменяемости явлений Вселенной эта гибель не повлечет за собой невозполнимых потерь в порядке бытия.

В современном естествознании утвердился так называемый антропный принцип. «Его смысл состоит в том, что незначительные изменения мировых постоянных (сотые доли процента) могут качественно изменить свойства суперсистемы «Вселенная» и характер всех процессов, в ней происходящих. Даже при таких ничтожных изменениях ее параметров в ней уже не могли бы возникнуть более или менее стабильные образования. Не возник бы в ней и человек, и эволюция Суперсистемы проходила бы без свидетелей. Итак, наша Вселенная «держится на острие». Ничтожное изменение ее параметров приведет к срыву, к ее полной перестройке» [6, с. 24].

Антропный принцип выражает, таким образом, новую, алармистскую доминанту современного естествознания, разительно контрастирующую с «героическим энтузиазмом» Дж. Бруно и всей классической науки. В классической (лапласовской) вселенной все процессы понимались как обратимые. В современной картине стохастической вселенной неразрывно связаны три понятия: случайность, необратимость, уникальность. Как пишет И. Пригожин, «замечательная особенность рассматриваемых нами процессов заключается в том, что при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося к уникальному и специфическому» [7, с. 54].

А. Панарин пишет, что социальная система, подобно всей нашей Вселенной, держится на «острие», ее состояния отличаются особой хрупкостью. «Сегодня политолог обязан предостеречь любого реформатора от беззаботного употребления сильнодействующих социальных технологий» [8, с. 405].

В современной постклассической науке у случайности совсем другой статус: случайность переносится в сердцевину любого процесса, делая его нелинейным, неоднозначным и потому в существенных моментах непредсказуемым. Современное общество, лишенное традиционных подпорок в лице сословных перегородок и традиций, представляет собой мир неравновесных состояний, не имеющий устойчивой колеи; поэтому иницируя те или иные изменения, реформатор не может довольствоваться наивно оптимистической установкой («процесс пошел»); он должен знать о подстерегающем всюду хаосе. В стохастическом мире у политического деятеля достанет силы нарушить хрупкое равновесие общества, цивилизации – и в этом смысле он остается субъектом реального действия, но у него нет никаких гарантий в отношении возможных последствий, ибо в таком мире сколько-нибудь однозначного соответствия между прошлым и будущим состояниями нет. В таком мире безнадежны и реставраторские усилия политики, ибо новый статус случайности делает любой процесс «невоспроизводимым» и, следовательно, необратимым. «Стрела времени проявляет себя лишь в сочетании со случайностью. Только в том случае, когда система ведет себя достаточно случайным образом, в ее описании возникает различие

между прошлым и будущим и, следовательно, необратимость» [9, с. 24].

На основе анализа идей синергетики А. Панарин делает выводы, что современная картина мира снимает в качестве безнадежно устаревшей дихотомию прогрессистов и реставраторов, ибо обе эти позиции основываются на некорректных представлениях о простой линейной зависимости между причиной и следствием, прошлым и будущим. На самом деле, даже воспроизводя «причину», мы не воспроизведем желаемого «следствия», ибо однозначная линия связи между ними отсутствует в мире стохастических процессов.

Следовательно, реальная альтернатива лежит не здесь. Она, скорее, связана с различием между готовностью применять любые технологии для достижения «высших» целей и признанием множества равнозначных целей, ни одна из которых не стоит того, чтобы во имя ее разрушать целое» [10, с. 408]. Если классическая наука пыталась познать сущность всех вещей, предметов, событий, то современная наука решительно рассталась с претензиями на объяснение смысла и сущности бытия. Она более осознает себя инструментально, как разновидность технологии, способной влиять на объекты, но выносящей вопрос о целях и смысле этого влияния за скобки. Как пишет В.Г. Федотова, «вопреки классической эпистемологии, истина в настоящее время может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [11, с.50].

Таким образом, отличие современной эпохи от классической состоит в том, во-первых, что слабые воздействия могут давать непропорционально сильные эффекты и, во-вторых, что одни и те же проекты в разных, даже весьма мало отличающихся средах, могут давать разительно непохожие, неожиданные результаты. В свете этого становятся объяснимы результаты современных попыток дать обществу очередной тотальный проект или перенести западные учреждения на другую почву.

В результате разработки методологических основ политических наук А. Панарин пришел к следующим выводам.

1. Политика – не надстройка над экономическим базисом, как следует из марксистского учения, а вид человеческой практики, посредством которой люди воздействуют на социальную среду.

2. Политика есть вид рискованной (не гарантированной) коллективной деятельности в области властных отношений, участники которой пытаются изменить свой статус в обществе и перераспределить сферы влияния в контексте сложившихся исторических возможностей.

3. Политика проявляет себя в функционировании политических систем, институтов и организаций – это составляет ее институциональный аспект. Но наряду с этим она содержит и внеинституциональные аспекты, к числу которых относятся политическая культура и этика, психология и традиция.

4. Особую динамику современным политическим процессам придает неравномерность: социальной и социокультурной динамики, групповой динамики, региональной динамики.

5. Главный вопрос современной социальной онтологии касается того, закончился ли в современном мире процесс образования новых цивилизационных моделей или наш мир в «геологическом» отношении еще достаточно молод? Россия сегодня осуществляет трудный поиск своей цивилизационной идентичности.

6. Главное, чему учит современная философия политики – это ориентация в многокачественном и высококомобильном мире, требующем диалоговых стратегий как в области теории, так и в сфере общественно-политической практики.

7. Философия диалога исходит из того, что полученный в ходе диалога (культур, цивилизаций, политических партнеров) ответ в принципе нельзя получить никаким другим путем, и ответ этот не только обогащает сферу полезного, но и сферу духовного, ибо в ходе диалога возделывается поле взаимного согласия людей. Диалог превращается в форму выживания цивилизаций, культур, народов.

8. Россия должна усилить свое влияние на евразийском пространстве с помощью русского языка, культуры и науки. А. Панарин критически относился к «русской идее», предлагая вместо нее «евразийскую идею»

9. А. Панарин впервые подверг глубокому исследованию место и роль православной цивилизации в глобальном мире [12]. Он не отождествлял цивилизованность с одним только Западом, а признавал множество сосуществующих цивилизаций на земле: западной, мусульманской, индобрддийской, конфуцианско-буддийской (китайской) и других.

10. Ставя вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на

Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, А. Панарин тем самым утверждает право России на собственное, самостоятельное существование во всемирной истории, о национальном бытии как таковом.

11. Таким образом, в лице А.С. Панарина мы видим выдающегося мыслителя России XX века, который поставил на повестку дня отечественной науки самые глобальные, самые фундаментальные, самые базовые проблемы как России, так и мирового развития в целом.

Источники и литература

1. Панарин А.С. Философия политика. – М. 1994; Панарин А.С. Политология: Учебник. – М., 1997; Панарин А.С. Политология: Учебник. – М., 2000; Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиция: учебник для вузов. – М., 2000; Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2000.
2. Лазарев Ф.В. Разум и мудрость в горизонте новой культурной парадигмы. – Симферополь, 2004.
3. Панарин А.С. Философия политики. – М. 1996.
4. Казютинский В.В. Философские проблемы исследования Вселенной // Вопросы философии. – 1980. – №12
5. Турсунов А. Мировоззренческие проблемы научной космологии // Вопросы философии. – 1977. – №8.
6. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. – 1991. – №3.
7. Пригожин И., Стенгерс А. Порядок из хаоса. – М., 1988.
8. Панарин А.С. Философия политики. – М. 1996.
9. Пригожин И., Стенгерс А. Порядок из хаоса. – М. 1988.
10. Панарин А.С. Философия политики. – М. 1996.
11. Федотова В. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. – 1992. – №4.
12. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2003.

Кондратюк Г.М. кандидат исторических наук

НАЦІОНАЛЬНА ПОЛІТИКА В СИСТЕМІ ОСВІТИ КРИМСЬКОЇ АРСР У МІЖВОЄННУ ДОБУ (1930-ті роки).

На сучасному етапі творення незалежної, правової, демократичної держави та інтеграції України до загальноєвропейського товариства дедалі більшої гостроти набуває проблема державної етнополітики. Допомогти в реформуванні системи освіти може осмислення історичного досвіду. Звернення до досвіду розвитку національної школи в 1930-х роках, практики вирішення проблем міжнаціональних відносин надзвичайно актуальне, оскільки глибокий науковий аналіз минулого (його негативних рис і позитивних досягнень) потрібен для здійснення виваженої державної політики, освітянської реформи та задоволення вимог щодо освіти всіх національностей. Розуміння теорії та історії освіти з урахуванням національної специфіки, традицій етнопедagogіки, культурної національної розмаїтості допоможе уникнути помилок у побудові національних відносин в Україні.

На межі 80-90-х років XX століття почався якісно новий етап розвитку історичних досліджень, який був пов'язаний з політичним курсом перебудови. Десятиліттями заборонені і замовчувані проблеми стали предметом історичних досліджень. Дослідженню національної політики в закладах освіти в 1930-х роках в УСРР присвятив свої роботи Г.Єфіменко [1]. Але ж автор сконцентрував увагу на процесах, які відбувались в Україні, а Кримська АРСР мала істотну специфіку. Тому не викликає сумнівів необхідність продовження досліджень.

Кінець 1927 року - початок 1928 року в реалізації національної політики в Кримській АРСР можна розглядати як новий важливий рубіж в етнополітиці в системі освіти.

Суттєвих змін зазнала внутріпартійна ситуація. Відбулися перші показові процеси. 1928 рік ознаменувався "шахтинським процесом". Групу фахівців, інженерів, що працювали на шахтах у тресті "Донвугілля", було звинувачено в економічному саботажі. Цей показовий процес мав згуртувати комуністів у боротьбі проти опозиціонерів і „націонал-ухильників” і в той же час зміцнити міф про "саботажників та куркульську загрозу".

У Кримській АРСР було репресовано значну групу кримськотатарської інтелігенції, яка працювала в закладах освіти і апараті Наркомосу. Відбувся показовий судовий процес над головою ЦВК Кримської АРСР Велі Ібраїмовим. У справі В.Ібраїмова була репресована значна група кримськотатарської інтелігенції, у тому числі нарком освіти Криму Усеїн Баліч, працівник Наркомосу Абібулла Одабаш. 18 січня 1928 року ЦК ВКП (б) повідомив Кримський обком про затримку в Москві Велі Ібраїмова, 20 січня надійшло повідомлення про арешт Ібраїмова [2, арк.669]. У квітні 1928 року відбувся суд над головою ЦВК Кримської АРСР. Процес над